

Речевое воспитание русских войск в эпоху наполеоновских войн

Воспитание русских войск в период борьбы с Наполеоном осуществлялось непосредственно «в боевых порядках». Это обуславливало повышенную значимость форм воспитания, основным средством в которых выступало речевое воздействие полководцев, генералов и офицеров, что требовало помимо близости к солдату, высокого духовного настроения, истинного благородства и мужества, которые в изобилии были явлены героями 1812 г. еще и развитых риторических умений. Русская военная риторика как неотъемлемая часть общественной речи может по праву считаться памятником русской культуры эпохи наполеоновских войн.

Ключевые слова: речевое воспитание, военная риторика, приказ, вдохновляющая речь

Sergey E. Zverev, Nikolay B. Storozhev

Verbal education of Russian troops in the era of the Napoleonic wars

Education of the Russian army in the period of struggle against Napoleon was directly «in combat formations». This is associated with the increasing importance of the forms of education, the primary means in which acted speech impact of the generals and officers. This is required in addition to proximity to the soldier, high spiritual attitude, the true nobility and courage again and developed rhetorical skills. The Russian military rhetoric as an integral part of the public speech can be rightfully considered as a monument of the Russian culture of the era of the Napoleonic wars.

Keywords: voice education, military rhetoric, order, inspirational speech

Главную задачу военного красноречия впервые определил заведующий личной канцелярией А. В. Суворова в Итальянском и Швейцарском походах Е. Б. Фукс. Хорошее знакомство с особенностями стиля и манеры общения генералиссимуса позволило ему замечательно кратко сформулировать, что есть военное красноречие следующим образом: «Красноречие сие есть искусство вдыхать в сердца чувство соревнования и храбрости, возбуждать к чести и славе»¹. Особенности речевого воспитания русских войск в эпоху наполеоновских войн мы попытаемся проследить на примере военной риторики М. И. Кутузова.

Риторический стиль М. И. Кутузова складывался постепенно и достиг своего расцвета в Отечественную войну 1812 г. До этого, особенно в заграничном походе в войну 1805 г., в приказах Кутузова чувствуется влияние стиля Суворова: разбивка приказов на пункты, краткость фраз, изредка встречающиеся указания на всегдашнюю храбрость русских войск. Все эти особенности хорошо иллюстрирует приказ М. И. Кутузова войскам Подольской армии о тактике в предстоящих сражениях с французскими войсками от 6 октября 1805 г., выдержки из которого приводятся ниже:

...свойственное храбрости российское действие вперед в штыки употребляться будет часто, причем примечать и наблюдать весьма строго:

1-е. Чтобы никто сам собою не отваживался кричать победоносное Ура! Пока сие не сказано будет по крайней мере от бригадных генералов.

2-е. Чтобы при натиске неприятеля в штыки люди не разбегались, а держались во фронте сколько можно².

Необходимость в ободрении русских солдат, столкнувшихся с победоносной французской армией, воодушевляемой гением своего императора, в 1805 г. была налицо. Это видно хотя бы из приведенного выше приказа, в котором звучит совершенно немыслимое в суворовские времена требование не разбегаться при штыковой атаке неприятеля! Выход был найден, на наш взгляд, не без «помощи» противника. Безусловно, новые элементы в русской военной риторике, которые получили полное развитие впоследствии, в определенной степени могут считаться подражанием риторическому стилю Бонапарта, не скупившегося в своих приказах-прокламациях на похвалы войскам. К новшествам, введенным М. И. Кутузовым, может быть отнесена пропаганда подвигов солдат и офицеров, известия о награждениях за проявленную воинскую доблесть, а также извещения об успехах действий союзных войск.

Для представления отличившихся неоднократно были употребляемы особые приказы по армии, как например от 25 октября 1805 г. Кроме того, даже обычные приказы об изменении дис-

локации частей армии, как например приказ М. И. Кутузова войскам Подольской армии о порядке похода к местечку Ольшан от 9 ноября 1805 г., который начинался с оптимистической ноты о награждении отличившихся в бою под Рауснице:

1. Санкт-Петербургского драгунского полка драгун Дмитрий Чумаков, отнявший в сражении у неприятеля штандарт, производится за таковое отличие и оказанную храбрость в унтер-офицеры; сверх того е. и. в. жалует ему сто червонцев.

2. Казаку, который взял вчерашнего числа в плен французского офицера и ничего от него себе в добычу не взял, даже и денег, кои он ему предлагал, е. и. в. жалует ему за таковое бескорыстие пятьдесят червонцев.

3. Завтрашнего числа имеет быть поход левым флангом в лагерь позади местечка Ольшан...³.

Нетрудно заметить, что воспитание воинской чести на примерах лучших воинов в русской армии берет начало именно с этих приказов М. И. Кутузова. С древности замечено, что пример как риторическое средство обладает огромной убеждающей силой. Таким образом, мы можем констатировать, что **в русской военной риторике начиная с М. И. Кутузова постепенно входит в употребление метод убеждения.**

Начиная приблизительно с 1800 г. **центр тяжести в русской военной педагогике постепенно смещается от воинского обучения,** которое, как мы помним, ставилось во главу угла А. В. Суворовым, **в сторону воинского воспитания.** На это были свои причины. Александр I, прошедший хорошую школу гатчинского воспитания при своем отце, к сожалению, не был знаком с настоящей боевой жизнью войск, а цесаревич Константин Павлович, проделавший с Суворовым Швейцарский поход, не обладал истинно военными дарованиями, держался генералиссимусом «в черном теле» и отличался достаточно вздорным нравом, чтобы воспринять боевую систему великого полководца. Оттого воинское обучение в России при наследниках Павла I очень долго ассоциировалось с выработкой «однообразной красоты» солдатского строя.

Строгость павловского устава, которым после Суворова ни один начальник, естественно, не мог уже пренебречь, оставалось на местах смягчать «человеколюбием» и воинским воспитанием, пока патриотизм русских солдат окончательно «не угас в результате плохого обращения и палочных ударов», как писал М. Б. Барклай-де-Толли Александру I. Мягкость в обращении

была свойственна почти всем корпусным и дивизионным начальникам Отечественной войны 1812 г. По воспоминаниям Н. Е. Митаревского, в отношении к войскам чувствовалось **«душевное спокойствие и какая-то особенная снисходительность высшего начальства... что переходило и на низших начальников – все это располагало нас к приятному настроению.** В нашем корпусе все... были люди благородные и добрейшие... **если, бывало, начальники и взыскивали, то всегда с какой-то отеческой добротой** (выделено нами. – С. З., Н. С.)»⁴.

В своем стремлении создать в армии «приятную» атмосферу русские генералы 1812 г., многие из которых прошли военную школу А. В. Суворова, прямо следовали завету своего учителя: «забавлять и веселить солдата всячески». Люди, прошедшие на войне порой половину жизни, очень хорошо понимали важность поддержания в войсках бодрого коллективного настроения. Эти процессы отражала и военная риторика. Например, в полководческой практике М. И. Кутузова в бытность его командующим Молдавской армией в войне с Турцией (1806–1811) вошло в обыкновение благодарить войска за одержанные победы особыми приказами, которые, наряду с реляциями, с этого времени стали неременным элементом речевого воспитания войск. Первым в ряду такого рода документов может считаться приказ по войскам Молдавской армии с объявлением благодарности за победу при Рушукте от 24 июня 1811 г.

Это очень любопытный документ, по которому мы можем судить о постепенном формировании личности Кутузова не только как полководца, но как вождя армии во время грозы 1812 г. Пока перед нами типичный «генеральский» документ. Благодарность командующего распределяется в нем точно так же, как и награды в армии того времени: по старшинству и «выслуге лет». Начиная, как водится, с ближайших соратников-генералов, «содействовавших» полководцу в разбитии неприятеля, по всей чиновной лестнице постепенно добираются до солдата, которому тоже, оказывается, принадлежит «участие в победе». Достаточно характерно и то, что в ряду причин, приведших по мысли автора к победе, послушание, т. е. воинская дисциплина, стоит впереди геройства. В общем, славословие вполне казенное, весьма слабо выражающее личное отношение автора к событиям.

С точки зрения риторики, этот приказ представляет собой типичную эпидейктическую речь, однако не блещущую средствами выразительности, обильное применение которых является обычным законом этого риторического жанра. Этот недостаток с лихвой был возмещен в про-

щальном приказе М. И. Кутузова от 12 мая 1812 г. войскам Молдавской (Дунайской) армии при передаче командования адмиралу П. В. Чичагову с объявлением благодарности войскам за победы в кампании 1811 г. «...Оставляя здешнюю армию, в собственное мое, всех и каждого из воинов услаждение, обратим внимание на подвиги, столь славно сопровождавшие все дни кампании 1811 г. Чего не превозмогли вы, дунайские воины, одушевляемые послушанием и всесильною любовью ко всемилостивейшему монарху?.. Под щитом Всемогущего Бога, руководствуясь мудрыми предначертаниями Государя Императора, Дунайская армия, увенчанная щедротами его всемилостивейшей десницы и славу к славе приложившая, останется всегда незабвенною в сердцах патриотов сограждан в любезном нашем отечестве, и уверенность в исполнении ею велений вселюбнейшего монарха пребудет толико тверда, как тверды желания его...»⁵.

Документ закладывает основы жанра благодарственного приказа, которым будет неукоснительно следовать русская военная риторика на протяжении всей истории Императорской армии. **Краткое, но непременно написанное высоким стилем, богато украшенное средствами выразительности речи живописание хода кампании будет являться с этого времени неперенным его атрибутом.**

Благодарность в этом приказе, как и в рассмотренном ранее, распределяется все так же по старшинству. Первоначально признательность командующего изливается господам «корпусным, отрядным, полковым и прочим начальникам», усердию искусству и храбрости которых войско только и обязано достижению поставленной цели. Адресуясь к прочим чинам, Кутузов благодарит их только за их «любовь, которая оградила меня употребить власть, Высочайше мне предоставленную, к обращению кого-либо силою (!) к своим обязанностям»⁶.

И в дальнейшем служебная документация Кутузова носила выраженный «прагматический», если так можно выразиться, характер, лишенный «риторических прикрас», как говорил сам светлейший. Риторически обработанные «куски» вставлялись, судя по всему, лицами его штаба, например, Е. Б. Фуксом. С назначением М. И. Кутузова главнокомандующим 1-й и 2-й Западными армиями и прибытием его к отступающим русским войскам первые его приказы, в том числе за № 2 (!) от 18 августа 1812 г., изданный вместе с приказом о вступлении в должность, касались борьбы с мародерством нижних чинов, грозившим существованию основ регулярной армии.

Многочисленные приказы эти написаны

официально-деловым стилем и весьма суровы. Кутузов, так же как и основатель русской регулярной армии до него, прекрасно понимал, что в первую очередь для воспитания армии должны быть употреблены средства дисциплинарные. А о том, что эти меры были абсолютно необходимы, особенно в новонабранных перед самой войной с Наполеоном войсках, говорят воспоминания современников. Автор пространной рецензии Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, подписанной инициалами А. Х., на книгу М. Богдановича о 1812 г. вообще удивляется свойствам наших солдат, между которыми оказалось, «сравнительно говоря, незначительное число негодяев» (!). «А где их было и искать, как не в тогдашней русской армии? – патетически восклицает далее наш автор. – Кто не знает, каких рекрут ставило наше помешествово вплоть до освобождения крестьян? Все, что было негодного в казенных обществах, тоже сбывалось в армию, вместе с бродягами, так называемыми не помнящими родства, между которыми были воры и грабители. Даже уголовные суды принимали на себя попечение пополнять армию посредством своих приговоров»⁷. Если автор, судя по всему, твердо державшийся революционно-демократических взглядов, несколько и сгущает краски, живописуя «темные времена» крепостничества, все же нельзя не согласиться, что у рекрутов наборов 1811–1812 гг. было слишком мало времени, чтобы сделаться настоящими солдатами.

Мы далеки от мысли «развенчивать» здесь героическое поколение, вынесшее на своих плечах всю тяжесть борьбы с нашествием двенадцати языков. Но для понимания особенностей речевого воспитания рассматриваемого периода важно, на наш взгляд, что свой эпический характер эпоха приобрела в основном благодаря воззрениям последующих поколений. Львиную долю записок непосредственных участников событий, как правило, занимают многочисленные «бытовые» подробности походов и сражений. Преобладает, так сказать, «кочка зрения», весьма характерная для военной мемуаристики в целом, по крайней мере, для той ее части, которая не писалась с рассчитанной целью поразить воображение потомков или принадлежавшей перу чрезмерно экзальтированных личностей. Но таких в армии всегда было немного, особенно на строевых должностях. Нельзя в этом смысле переоценивать и значение религиозного пафоса борьбы с нашествием, который выступал важным фактором в деле организации государственной пропаганды, рассчитанной на широкие народные массы, но был мало востребован в военной среде.

Религиозность русского офицерства, особенно если говорить о молодежи, в 1812 г. была скорее элементом традиционно русского уклада жизни, чем глубоко осознанной духовной потребностью. Так, например, молодой офицер Н. Е. Митаревский, в своих воспоминаниях уделивший целый абзац наблюдению за поведением князя Кутузова во время боя за Шевардинский редут, только одной строчкой упоминает о ношении по лагерю накануне сражения Смоленской иконы Божией Матери. Примеры эти можно было бы умножать до бесконечности.

Религиозность солдата, очевидно, была все та же, как и во времена Суворова, когда в целях приучения к правилам доброй нравственности учили их в полках «неким молитвам». По крайней мере, Н. Е. Митаревский в полном согласии с Л. Н. Толстым приводит в своих воспоминаниях любопытнейший эпизод, наблюдая, как под огнем вели себя солдаты его 12-й легкой артиллерийской роты и ополченцы. «Кланяйся ниже, борода! Сними шапку! Крестись большим крестом! Бей поклоны, дурак!» – насмешливо кричали последним артиллеристы. И далее автор замечает: «Подумаешь, один и тот же русский народ мужик и солдат, а какая между ними разница»⁸.

Все это вместе взятое плюс недостаток времени у главнокомандующего, слишком занятого решением первоочередных задач выбора места для сражения и наведением порядка в войсках объясняет, почему Кутузов не озаботился до Бородинского сражения принятием специальных мер пропагандистского характера, чтобы поднять дух войск. Зато уже через день после Бородина, 28 августа Кутузов издает приказ с благодарностью участвовавшим в сражении войскам. «Особенным удовольствием поставляю объявить мою совершенную благодарность всем вообще войскам, находившимся в последнем сражении, где новый опыт показали они неограниченной любви своей **к отечеству и государю** (выделено нами. – С. З., Н. С.) и храбрость, русским свойственную... Ныне, нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему помощью Божиею конечный удар. Для сего войска идут навстречу свежим воинам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем. Щедрые награды всемилостивейшего государя всем храбрым готовы»⁹.

Какое отличие от велеречивого славословия приказа по войскам Молдавской армии! Перед нами, во-первых, уже не эпидейктическая, но военная вдохновляющая речь. Весьма показательно, что понятия «государь» и «отечество» в этом приказе поменялись местами, хотя с начала войны на первом месте в официальных бумагах «государь» всегда первенствовал. В по-

становлении дворянского собрания Петербургской губернии о сборе ополчения, датированном 17 июля 1812 г. значилось: «...все единодушно изъявили готовность свою **за спасение всеавгустейшего императорского дома и отечества** (выделено нами. – С. З., Н. С.) жертвовать своим достоянием по верноподданнической присяге, не щадя живота своего до последней капли крови»¹⁰. В подробном донесении о сражении при Бородино Кутузов даже вовсе не упоминает о царе, но пишет, что «французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью **за отечество** (выделено нами. – С. З., Н. С.)»¹¹. После перехода армии в Тарутинский лагерь в приказе по армии от 22 сентября также говорится только об отечестве: «Приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и Отечество на нас взирают»¹². Обращает внимание, что, в этом документе слово «Отечество» писано с заглавной буквы, хотя в прежних документах оно неизменно писалось со строчной. Даже приказы по борьбе с мародерством в Тарутинском лагере уже не столько грозили, сколько усовещевали тех, из-за кого «в окружности лагеря жители оставили дома свои, избегая от насилия и грабежей, чинимых... соотечественниками»¹³.

Приведенные примеры, на наш взгляд, хорошо иллюстрируют постепенное смещение акцентов в пафосе русской военной риторики 1812 г.: от традиционного для XVIII в. государственно-патриотического к пафосу национальному. Мы еще не можем, в силу отсутствия политической свободы у большинства населения, говорить о внедрении национального пафоса в общественную речь Российской империи в целом, но можем наблюдать ростки этого пафоса в воюющей армии, для которой привычные апелляции к исполнению воинского долга, следуя данной государю императору присяге, были уже недостаточны. Слишком большие жертвы были принесены армией, чтобы ее можно было удовлетворить «щедрыми наградами всемилостивейшего государя»; требовались мощные моральные стимулы, которые бы позволили войскам, не меньше французов потрясенным бородинским кровопролитием и, особенно, оставлением Москвы, обрести поколебленную бодрость духа и продолжить борьбу.

О том, что поднятие духа русской армии было настоятельной необходимостью, говорят многочисленные факты мародерства, умножившегося в то время настолько, что Псковскому пехотному полку, например, в приказе 9 сентября 1812 г. была даже объявлена благо-

дарность за отсутствие в его рядах мародеров. В этом смысле становится понятным все значение Тарутинского лагеря, укрепления которого Кутузов заповедал не сносить в память грядущим поколениям. В нем войска получили возможность восстановить не только физические, но и моральные силы, которые, как известно, восстанавливаются дольше и требуют целенаправленных усилий по их восстановлению.

В Тарутино не проводилось никаких смотров; войска с точки зрения страдавших парадоманией начальников пришли в совершенно невообразимый вид: никто из солдат не белил перевязей тесаков и патронных сум, офицеры щеголяли в немислимых шинелях и «бурках» домотканого сукна. Но зато офицеры всех родов оружия сходились вечерами и... вели разговоры о происхождении человека (!), обсуждали философские и политические вопросы, свободно обсуждали, а подчас и открыто осуждали (!) некоторых своих начальников. Солдаты вечером по окончании работ пели песни, и часто по полкам играла музыка. «Все были довольны и веселы», – отмечал очевидец. Излишне замечать, что все это: речевая активность, песни, музыка – служит надежным свидетельством оздоровления психики военнослужащих.

Значительную роль в этом процессе играла войсковая пропаганда. В главном лагере издавались «Известия для армии», пропагандировавшие успехи войсковых партизанских отрядов и подвиги крестьян, которые публиковались затем в приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости». Время пребывания армии в Тарутино стало временем укрепления, прежде всего, морального духа ее солдат и офицеров. Огромная заслуга в этом принадлежит М. И. Кутузову, до тонкостей чувствовавшему дух войны 1812 г.: «Фельдмаршал заботился о выгодах и довольстве армии, одушевил ее, вдохнул в нее дух отваги и заставил любить себя до энтузиазма. Это, по-моему, **лучше всяких распоряжений**... Под Тарутиным все встрепенулось и ожило, **армия наша... духом и ревностью стала гораздо выше** (выделено нами. – С. З., Н. С.)»¹⁴.

Этот дух, с блеском продемонстрированный в сражении при Тарутино, следовало непрерывно поддерживать. Начиная с приказа по армиям об освобождении Москвы от наполеоновских войск от 19 октября 1812 г., вся русская военная риторика нацеливается на решение именно этой задачи. С этого приказа наступает, можно сказать, ее «звездный» час. Огромность стоявших перед армией задач требовала и экстраординарных усилий по поддержанию морально-боевого духа войска, особых слов, идущих от сердца вождя (этим именовем мы по праву можем

уже называть М. И. Кутузова) к сердцу каждого воина. Вот почему в приказах Главной квартиры за все время преследования Наполеона мы не найдем уже прежнего стиля фельдмаршала. Полезно проследить эти новые черты риторики М. И. Кутузова на примере упомянутого приказа.

Прежде всего стоит отметить, что текст реализует все современные приемы информирования методом повествования. Повествование как особый функционально-смысловой тип речи основано на передаче сообщения о развивающихся во временной последовательности действиях или состояниях. Основной задачей повествования является, таким образом, обеспечение запоминания слушателем ряда ключевых моментов из этой последовательности. Для этого в речи были использованы следующие приемы:

1. На протяжении всего повествования поддерживается атмосфера ожидания. Эффект повествования усиливается за счет того, что связка откладывается до самой последней фразы. Чрезвычайно длинный первый период речи с обилием причастных и деепричастных оборотов держит слушателя в напряжении до самого последнего своего слова, которое зато имеет силу катарсиса: «Москва очищена» от неприятеля.

2. Повествование содержит уточняющие детали, которые будят воображение слушателя и позволяют ему «зацепиться» за них, чтобы впоследствии воспроизвести все событие в памяти. Самая, конечно, яркая деталь в представленном здесь повествовании – сообщение о попытках врага взорвать национальные святыни. Этот эпизод будет и впоследствии служить мощным основанием призывов к мщению и полному напряжению сил войска.

3. Повествование содержит в себе небольшое «подобие» диалога – прямую речь. Этот прием активно использовали древние историки, внося в свои пространные сочинения речи исторических персонажей, создавая тем самым эффект присутствия читателя при описываемых событиях. Здесь же прямая речь императора и следующий сразу за ней призыв создают впечатление отданного приказа и единодушного ответа войска.

Заметно преобладание в речи национального пафоса: слова «Россия», «русские», «отечество» встречаются в тексте 5 раз, в то время как о монархе помянуто лишь однажды, видимо, чтобы не забывали о том, чьими подданными были, в конечном счете, все: от солдата до фельдмаршала.

Приказ не забыл упомянуть и о том, что «наши силы неисчислимы», унижить противника, который начинает разбегаться, и соединить с призывом к войне обещание скорого и прочно-

го мира. В этом он, как ни странно, напоминает... наполеоновские приказы 1805 г., включая сюда и распространенную во французских воззваниях форму обращения к аудитории. Исключением является разве что только упоминание имени Божия. Борьба с Наполеоном стала борьбой народной; армию усилили вчерашние крестьяне: рекруты и ополченцы, которые усилиями государственной и религиозной пропаганды воспринимали себя, по воспоминаниям А. С. Норова, армией новых крестоносцев, призванных сокрушить гордыню «лжемессии».

В ходе преследования отступавшей наполеоновской армии военная риторика М. И. Кутузова была представлена преимущественно информационной речью. Композиционно приказы Главной квартиры, как например приказ от 28 октября 1812 г., состояли из двух частей: первая была посвящена описанию состояния войск противника, перечислению его потерь и трофеев, захваченных нашими войсками, во второй – публиковались списки награжденных за предшествующие сражения. С ростом успехов армии молодецкий дух проникает и в русскую военную риторику. В приказе от 29 октября после ставшего уже традиционным описания подвигов атамана Платова постановка задачи армии выдержана в высоком риторическом стиле: «После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую он мечтал поработить, усеется костями его. Итак, мы будем преследовать неумолимо. Настает зима, выюга и морозы. Вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается... Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить голод и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа. Идем вперед, с нами Бог, впереди разбитый неприятель; да будет за нами тишина и спокойствие»¹⁵.

Это одно из лучших риторически разработанных документов военного управления тех лет. Преследование отступающего противника требовало от русской армии серьезных усилий. Участники похода вспоминали, что случаи, когда можно было остановиться на ночлег в квартире, т. е. в крестьянском доме, а то и в сарае, были настоящим праздником после недель бивакирования, которое представляло, напомним, ночевку под открытым небом. Войска, находившиеся в таких условиях, естественно, необходимо было ободрять, напоминать о высоких моральных стимулах тяжелой борьбы. Речь ярко метафорична; вся она пронизана национальным

пафосом. В ней упоминалось только одно имя великого русского – Суворова, и совершенно обходилось молчанием имя главы государства. Сомнительно, чтобы власть могла простить такое «вольномудство» старому фельдмаршалу.

С выходом армии на границы России собственно военные задачи сокрушения Наполеона были, в сущности, решены. На передний план теперь выступали политические задачи, которые впервые обрисовал знаменитый приказ главнокомандующего от 21 декабря 1812 г. Отечественная война была закончена. Вместе с ней заканчивался и национальный пафос в русской героической словесности, который немало способствовал пробуждению титанических сил народного духа. Разлив народного гнева теперь надо было вводить в казенные берега. Достаточно знаменательно, что, если в военных документах М. И. Кутузова периода октября-ноября 1812 г. риторически разработанные части венчали собой речь, вызывая эмоциональный подъем войск, то в декабрьском приказе блестяще разработано начало речи: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем...».

Эпидейктическая в начале, убеждающая в середине, речь эта заканчивается властным языком служебного документа, настолько диссонирующим с началом, что производит впечатлением холодного душа: «Непременная воля все милостивейшего государя нашего есть, чтобы спокойствие жителей не было нарушаемо и имущества их остались неприкосновенными. Объявляя о том, обнадежен [я], что священная воля сия будет выполнена каждым солдатом полной мере. Никто из них **да не отважится** забыть ее, а г. г. корпусных и дивизионных командиров именем Его Императорского Величества **вызываю** в особенности иметь за сим **строгое и неослабное наблюдение** (выделено нами. – С. З., Н. С.)»¹⁶.

Судя по всему, русские военачальники, переступая границы империи, были более всего озабочены тем, чтобы не повторялись многочисленные факты мародерства, которыми изобилывала кампания 1812 г. Жесткие дисциплинарные требования необходимо было как-то смягчить, чтобы по возможности не нанести ни малейшего ущерба боевому духу победоносной армии. Боевые войска, как известно, сильно отличаются от армии мирного времени. Тут уже простого начальственного окрика было явно недостаточно. Становилась востребованной военная риторика: уместно было и восхваление трудов и подвигов войск, и осторожное убеждение их в пагубности грабежей и насилия на примерах гибнущего на

их глазах неприятеля, и, наконец, напоминание о долге повиновения. Приказ М. И. Кутузова, в сущности, повторял содержание аналогичного приказа графа П. Х. Витгенштейна, войска которого вышли на границы с Пруссией чуть раньше – 3 декабря 1812 г. Только композиционно приказ этот представляет собой «зеркальное отображение» кутузовского: начинается он с прекрасно риторически разработанной убеждающей речи, а заканчивается блестящей эпидейктической, вдохновляющей речью, построенной на ряде лозунгов-призывов. Приказ П. Х. Витгенштейна еще более определенно требовал соблюдения дисциплины, угрожая смертной казнью солдатам и военным судом офицерам за попустительство мародерству.

Остается упомянуть о малых жанрах военной речи, которыми блестяще, в силу близости к солдату, благородства духа и широкой образованности, владели многие генералы и офицеры русской армии. Эти жанры, оперировавшие разговорным стилем, использовались как для преподавания кратких наставлений солдатам на поле боя, так и в воспитательных целях, для ободрения уставших или расстроенных войск. Так, очевидец подвига 27-й пехотной дивизии под Красным описал, как ген. Д. П. Неверовский даже перед лицом несущейся на каре вражеской кавалерии объезжал ряды и повторял «голосом уверенного в своих подчиненных начальника: «Ребята! Помните же, чему вас учили в Москве, поступайте так, и никакая кавалерия не победит вас, не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля; третья шеренга – передавай ружья как следует, и никто не смей начинать без моей команды „тревога“»¹⁷. Итогом этого нехитрого «учения» было полное спокойствие солдат и, как следствие, неоднократное отражение многочисленного противника. Тем более, что после успешного отражения первой атаки командир дивизии не забыл и подбодрить своих подчиненных: «Видите, ребята, – говорил он в восторге, – как легко побеждать кавалерию; благодарю вас и поздравляю!»¹⁸. Ответом было единодушное «ура!» поверивших в себя солдат.

Особенно отличался военным красноречием, по воспоминаниям современников, «русский Баярд», генерал М. А. Милорадович, но его речи, на наш взгляд, не несут того отпечатка истинности, простоты и сердечности, что приведенные здесь слова Неверовского. В глазах солдат Милорадович был, что называется, «лихой барин», каковому образу он сам вольно или невольно стремился соответствовать. Следует отдать ему должное: он действительно перед каждым боем краткой речью пытался приободрить своих солдат. Порой его речи зву-

чат несколько выпренне, как, например, ответ солдатам, поздравлявшим его с днем ангела в 1812 г., во время преследования отступавших французов: «Ребята, благодарю вас, дарю вам сию неприятельскую колонну!». Но сама близость графа солдатам, немудреное общение и явное бесстрашие на поле боя делали свое дело.

Прибегал к разговорам с солдатами и М. И. Кутузов, который во время преследования французов от Тарутино до Березины «часто останавливался около дороги и смотрел на проходившие войска, иногда и под дождем; случалось, говорил солдатам: „Что, устали, ребята? Холодно? Ели ли вы сегодня? Нужно отстоять матушку Россию, надо догонять и бить французов!“»¹⁹. Надо ли упоминать о том, как это действовало: проходившие солдаты дружно кричали в ответ: «Рады стараться, ваше сиятельство!» Современники, даже далекие от армии, недаром писали про фельдмаршала, что он «всегда умел уберечь войска от столь пагубного для них упадка духа»²⁰.

Русская военная риторика 1812 г. является еще одним памятником героической эпохи, достойным стать в один ряд с теми, что были воздвигнуты на Бородинском поле. Изучение ее способно придать новый импульс воспитанию победоносных российских войск.

Примечания

- ¹ Фукс Е. Б. О военном красноречии. СПб., 1825. С. 4.
- ² М. И. Кутузов: сб. док. М.: Воениздат, 1950–1956. Т. 2. С. 96.
- ³ Там же. С. 187.
- ⁴ Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 242–243.
- ⁵ М. И. Кутузов: сб. док. Т. 3. С. 902–903.
- ⁶ Там же. С. 903.
- ⁷ Бородинское сражение / изд. Импер. о-ва истории и древностей российск. при Моск. ун-те. М., 1872. С. 47.
- ⁸ Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 246.
- ⁹ М. И. Кутузов: сб. док. Т. 4, ч. 1. С. 160–161.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 168.
- ¹² Там же. С. 351.
- ¹³ Там же. С. 390.
- ¹⁴ Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 326.
- ¹⁵ М. И. Кутузов: сб. док. Т. 4, ч. 1. С. 239.
- ¹⁶ Там же. Т. 4, ч. 2. С. 633.
- ¹⁷ Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 111.
- ¹⁸ Там же. С. 111.
- ¹⁹ Там же. С. 323.
- ²⁰ Шуазель-Гофье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 2007. С. 110.